

ИНОГДА
ПРОШЛОЕ
САМО
НАХОДИТ
ТЕБЯ

АЛАЙНА САЛАХ

ПОРОЧНАЯ
МЕСТЬ

Алайна Салах
Порочная месть
Серия «Опасные мужчины»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67571346
Алайна Салах Порочная месть:

Аннотация

Человек, в которого я влюбилась с той минуты, как увидела – лучший друг моего старшего брата, и он тот, кому я по собственной воле отдала самое ценное, думая, что больше никогда его не увижу. Однако спустя пять лет он сам находит меня и ставит ультиматум: либо перехожу в его единоличное владение, либо близкий мне человек пострадает.

Содержание

1	5
2	13
3	20
4	32
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алайна Салах

Порочная месть

Современный любовный роман, Романтическая эротика

Теги: #принуждение #разница в возрасте #холодный муж-

чина

* * *

1

За пять лет до основных событий

Я критически оглядываю свое отражение в зеркале и тяжело вздыхаю. Тугое бархатное платье, купленное с полгода назад на распродаже, натирает декольте, стремительно увеличившееся к окончанию старшей школы, а обтягивающий подол норовит задраться слишком высоко из-за округлившихся бедер. Я бы и рада приобрести ко дню своего восемнадцатилетия что-нибудь новое, вот только свободных денег у меня нет: в связи с подготовкой к вступительным экзаменам в университет времени на подработку катастрофически не хватает, а зарплату, которую отец получает на заводе по производству пластиковой тары, он успешно спускает на то, чтобы залить свою трехлетнюю боль от кончины мамы. Можно было попросить денег у моего старшего брата Артура, но на это у меня не хватило совести, потому что он и так делает для меня много: например, выступает спонсором сегодняшнего празднования. И пусть я отмечаю день рождения не в роскошном кафе, а в нашей тесной гостиной, главное, что на столе есть мои любимые тако и праздничный торт с розово-кремовой надписью: «С днем рождения, Эрика», а рядом со мной люди, которые мне дороги: подруги Кристин и Анжела, наш сосед Макс, сам Артур и, конечно, Кейн, его луч-

ший друг, в которого я влюблена с тех пор, как надела свой первый бюстгальтер.

– Чего ты там копаешься, Эрика? – Кристин толкает меня в бок острым кружевным локтем и недовольно хмурит брови. Вот у кого не возникает проблем с тем, что грудь лезет из выреза платья, как поднявшееся тесто: подруга, кажется, перестала расти, как только ей стукнуло четырнадцать, сохранив пропорции миниатюрного подростка. – Артур уже разлил вино, а Кейн выглядит так, словно ему скучно.

Кристин всегда знает, на что надавить, чтобы получить желаемое. Она, как и я, с ума сходит по Кейну, но тоже совершенно безответно. Он бывает у нас дома едва ли не каждый день, и каждый раз смотрит на меня и подруг, как на надоевший предмет интерьера. Исключение составляют лишь те случаи, когда он разговаривает с Артуром: ледяная корка на красивом лице трескается, являя на свет человека, которому не чужды эмоции простых смертных. В остальном же Кейн выглядит так, словно испытывает к окружающим людям брезгливость.

– Слушай, может, Кейн – гей? – шепчет Кристин, когда мы, держась за руки, возвращаемся в гостиную. – В прошлое воскресенье я весь день провалялась на заднем дворе в том развратном купальнике, который привезла из Испании, а он на меня ни разу не взглянул.

При взгляде на Кейна, небрежно свесившего руку через спинку стула и слушающего треп Артура, я ощущаю, как

сердце превращается в тающее эскимо. Любой самый незначительный его жест отзывается в теле странным восторгом.

– Он не гей. Артур как-то упоминал, что Кейн оставался ночевать у знакомой, и уж они там точно не кулинарное шоу смотрели.

Озвучить вслух то, что Кейн занимался с посторонней девушкой сексом, равносильно удару под дых, но я не могу позволить Кристин думать о нем плохо, потому что в моих глазах он идеален.

– Мы тебя потеряли, Эрика, – хмурится брат, с нескрываемым недовольством оценивая тесный капкан моего праздничного туалета.

После того как отец променял родительские хлопоты на бутылку виски, Артур взял на себя обязанности главы семьи и для своих отвязных двадцати пяти блестяще с ними справляется: у нас в холодильнике всегда есть еда, счета за аренду вовремя погашены, а его чрезмерный контроль над моей жизнью – это, скорее, побочный эффект, который можно перетерпеть.

Я посылаю ему примирительную улыбку и, опустившись на стул, вновь украдкой смотрю на Кейна. Прослеживаю волевою линию его челюсти, тонкий, с небольшой горбинкой нос и два зигзагообразных шрама на лбу, пока он сам продолжает вращать между длинных пальцев свернутую салфетку, наблюдая за ней из-под полуприкрытых век. Даже салфетка для него интереснее, чем я. И я совсем не списываю

это на изъяны своей внешности: отражение в зеркале и навязчивое внимание парней в старшей школе дают все основания быть уверенной в своей привлекательности, но очевидно, что для Кейна я навсегда останусь младшей сестренкой его лучшего друга.

– За тебя, Эрика! – восклицает Анжела, перевешиваясь через весь стол, чтобы стукнуться со мной бокалом с вином. – За твое совершеннолетие и будущее поступление в университет!

Под общий звон хрусталя я обвожу присутствующих глазами и делаю крошечный терпкий глоток. Знаю, что Артур за мной наблюдает, и не хочу, чтобы он жалел о своем решении позволить алкоголю присутствовать на столе лишь потому, что его младшая сестра не знает меру.

– Артур, – деловито произносит Кристин, пока я пытаюсь изящно разделать тако при помощи вилки и ножа в попытке продемонстрировать исключительные столовые манеры. – Предки дали добро на покупку машины, а так как я в этом совсем не разбираюсь, мне бы пригодилась ваша с Кейном помощь. Скажем, в эти выходные?

Все-таки Кристин самая умная из нас троих: она всегда подходит к достижению своей цели с умом. Вот и сейчас безошибочно угадывает, что самый эффективный способ заполучить Кейна во многочасовую близость – это действовать через моего брата. Артур никогда не откажется поглазеть на автомобили и, разумеется, позовет с собой своего лучшего

друга.

– Думаю, я выкрою на это время, – откликается брат и откусывает внушительный кусок тако, совершенно не заботясь, как это выглядит со стороны. Разве стоит смущаться в компании неинтересующих тебя малолеток? – А Кейн не сможет – через два дня он уезжает в Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк? – картинно распахивает глаза Кристин и переводит взгляд на Кейна.

Выражение его лица остается неизменно скучающим. С легким кивком он тянется к бокалу с водой и делает ленивый глоток.

– Кейн открывает офис в Нью-Йорке и переезжает туда насовсем, – великодушно поясняет брат, с нескрываемой гордостью поглядывая на друга.

Кровь ледяной волной приливает к щекам и груди, когда до меня доходит смысл его слов: Кейн переезжает за тысячу миль от нашего городка, и, скорее всего, я его больше не увижу. И пусть между нами ничего не может быть, я готова и дальше продолжать довольствоваться теми моментами, когда мы сталкиваемся в дверях гостиной, или когда я чувствую мятно-табачное дыхание на своем предплечье, ставя перед ним кружку с приготовленным кофе. А теперь, выходит, даже этим маленьким радостям моего сердца придет конец.

Забыв об обещании не налегать на выпивку, я обхватываю похолодевшими пальцами ножку бокала и до дна осушаю его

содержимое. Опьяняющий дурман мягко ударяет по затылку, но не приносит ни унции облегчения моему отчаянию. Как же это неправильно, что я умираю внутри от одной мысли, что больше никогда не увижу Кейна, а ему все равно. Мы ведь знакомы больше пяти лет, а если бы не очередная попытка Кристин заигрывать с ним, то я бы даже не узнала, что он насовсем покидает наш захудалый городок.

– Давайте включим музыку! – Тряхнув золотисто-рыжеватой гривой с вплетенными в нее разноцветными нитями, Анжела подпрыгивает со стула и несется к стоящей в углу колонке с явным намерением поставить что-то из своих любимых композиций.

– В честь именинницы! – тычет пальцем в кнопку музыкального центра, оглашая гостиную звуками романтической баллады, и отвешивает глубокий поклон.

Глаза помимо воли нащупывают Кейна, посылают немую мольбу меня пригласить. Наверное, хорошо, что в этот момент он продолжает щелкать пальцем по экрану мобильного и не замечает всей глубины моего отчаяния.

– Эрика, – рука Макса ложится на мое плечо. – Потанцуем?

Я бросаю последний взгляд через весь стол и, убедившись, что моей робкой надежде получить желанный подарок суждено быть погребенной под тоннами безразличия, позволяю увлечь меня в центр комнаты.

– У меня есть для тебя еще один подарок, – удерживая

ладони на весу чуть ниже моих ребер, тихо произносит Макс. Очевидно, он, как и я, чувствует на себе наблюдательное око брата. – Можешь зайти ко мне завтра, и я тебе его отдам.

Вот почему я не могла влюбиться в такого парня, как он? Макс симпатичный и высокий, и не похож на перекачанного подростка, застрявшего в переходном возрасте, как большинство моих сверстников. Учится в университете, а по выходным подрабатывает диджеем в местном клубе, где пользуется популярностью среди тусовщиц. Влюблен в меня года два и неоднократно давал понять, что готов вступить в отношения. Жаль, что сердцу не прикажешь.

Краем глаза я замечаю, как Кристин, поправив грудь, укомплектованную внушительным пуш-апом, поднимается с места и решительно идет к Кейну. Сердце опутывается болезненной паутиной ревности. Склонившись к нему так близко, как я себе никогда не могла позволить, она что-то заговорщицки шепчет ему на ухо. Я перестаю дышать и стискиваю рубашку Макса в кулаках так сильно, что он начинает смотреть на меня с удивлением. Неужели он подарит ей танец? Мой прощальный танец?

Но вместо этого Кейн уворачивается от волос, задевающих его щеку, и, раздраженно сжав челюсть, мотает головой. А пока Кристин пытается свыкнуться с очередным поражением, поворачивается и смотрит прямо на меня. Его темные глаза слегка сощурены, когда он скользит взглядом по моему лицу, задерживается на губах, и, спустившись ниже,

оценивает ладони партнера на моей талии. Музыка исчезает так же, как и обнимающий меня Макс, под напором его внимания, которое продолжает лениво стекать к подолу моего нелепого платья и замирает там на добрых несколько секунд.

Так вот каково это, когда Кейн смотрит по-настоящему. Когда во рту пересыхает, а от бешеных ударов сердца начинает гудеть позвоночник. Когда по коже растекаются невыносимое жжение и мурашки, а внизу живота собирается горячий влажный ком, рождающий запретные мысли.

К тому моменту, как взгляд Кейна возвращается к экрану телефона, мой мозг, получивший инъекцию из смеси адреналина, влюбленности и гормонов, принимает самое смелое и безбашенное решение за всю мою жизнь. Если судьба добровольно не готова отдать мне подарок к совершеннолетию, я заберу его сама.

2

Кристин, Анжела и Макс покидают наш дом ближе к десяти вечера, после того как все тосты были сказаны, подарки вручены, а тарелки погребены в посудомойку. Отец появился к середине празднования, окинул присутствующих невидящим взглядом и, вытащив из ящика початую бутылку виски, также молча ретировался. Не то чтобы я ждала от него каких-либо знаков внимания или поздравлений, но в душе фантомным эхом отдается тянущая тоска. Этот неопрятный человек с въевшимся под кожу запахом виски и безразличия к окружающему миру совсем не похож на моего улыбчивого отца, который мастерил качели на заднем дворе и терпеливо помогал мне с заданиями по ненавистной химии, не дававшей мне в школе. Трагедия ухода мамы, у которой в последние годы жизни врачи диагностировали терминальную стадию рака крови, перевесила чашу весов его любви как к самому себе, так и к нам, его детям, и все попытки вернуть отца на орбиту цветущей реальности путем семейных интервенций, консультаций с наркологом и встреч с братьями по недугу не увенчивались успехом. И, кажется, мы с братом оба с этим смирились.

Вернувшись в свою комнату, я стягиваю с тела удушающий кусок ткани и иду в душ. Невзирая на то, что к празднованию дня рождения я и так привела себя в состояние наряд-

ной стерильности, снова растираю кожу мочалкой до скрипа и заново мою голову, потому что план, который, подобно настырному клещу, поселился в мозгу в тот момент, как Кейн действительно взглянул на меня, требует нового уровня чистоты.

Высушив волосы и нанеся на лицо крем, я подхожу к зеркалу и придирчиво оглядываю себя в отражении: темные прямые волосы до плеч, не такие густые, как грива Анжелы, но и вялой паклей их тоже не назовешь; симпатичное лицо с ярким украшением в виде пухлого рта... Вот только глаза я всегда хотела большие и голубые, а не этот кошачий разрез с инкрустацией коричневой радужки. Фигура... мне сложно оценивать себя ввиду произошедших за последний год изменений, но думаю, она у меня хорошая даже несмотря на неудобу: крупная высокая грудь, кожу на которой, к счастью, не изувечили растяжки от чересчур стремительного роста, узкая талия и наличие внушительной выпуклости в том месте, где у девушек моей комплекции ее обычно нет.

Убедившись, что в моей внешности нет ничего из того, что могло бы отвратить Кейна, накидываю на плечи голубой махровый халат и потуже затягиваю пояс. Несколько секунд гипнотизирую свое отражение расширенными адреналином зрачками и, избавляясь от пыли сомнений кивком головы, выхожу в коридор.

Дверь в спальню Артура, к счастью, закрыта. Вздрагивая от малейшего скрипа половиц, я миную ее и иду в сторону

дальней комнаты, которая вот уже несколько лет негласно зовется комнатой Кейна из-за того, что он минимум раз в неделю остается в ней ночевать. Сердце колотится так сильно, что, кажется, его удары разносятся в тишине коридора. А что, если он выгонит меня? Или, что еще хуже, позовет брата, чтобы тот лично убедился в том, насколько испорчена его младшая сестра? Ох, нет, об этом кошмаре даже думать не стоит, ведь это мой последний шанс лишиться девственности с человеком, которого я люблю.

Я останавливаюсь возле заветной двери и, чтобы дать себе время привести дыхание в порядок, начинаю изучать ее замысловатый деревянный узор. Страшно ли мне? Еще как страшно. Готова ли я отступить? Ни за что. Ведь если есть хоть малейший шанс, что я получу то, зачем пришла, значит, все будет не зря. Потому что этот день я запомню на всю оставшуюся жизнь, как и всегда хотела.

Опускаю застывший в горле ком судорожным сглатыванием и, занеся руку, негромко стучусь три раза. Нервно одергиваю пояс халата, когда слышу твердые приближающиеся шаги.

Кейн распахивает дверь в одном спортивном трико, отчего у меня мгновенно пересыхает во рту – я ни разу не видела его без футболки. У него мускулистый торс, немного худощавый, что выгодно отличает его от протеиновых фанатиков, тягающих железо в зале в погоне за нефункциональным рельефом, как у борца или у профессионального спортсме-

на: широкая треугольная спина, в меру накачанные руки с выступающими венами и плоский живот с намеком на кубики и ту самую V.

При виде меня его обычно непроницаемое лицо на секунду теряет свою невозмутимость и темная бровь ползет вверх.

– Можно войти? – полухриплю-полушепчу, ощущая, как сердце вновь ускоряет свой ритм до критического, а в голове, словно беспокойная канарейка, бьется лишь одна мысль: «Пожалуйста, Господи, пусть он меня не прогонит».

Кейн неспешно сканирует мое лицо из-под полуопущенных век и, не сказав ни слова, отходит в сторону, выпуская меня. Придерживая сцепленными пальцами отвороты халата на груди, я быстро вхожу внутрь и замираю, уставившись на смятую кровать, где валяются его мобильный и небрежный комок толстовки.

Не знаю, что приводит меня в такое замешательство: то, что мы впервые находимся наедине в его спальне, или осознание того, что назад пути уже нет, но я буквально подпрыгиваю на месте, когда слышу хлопок закрывшейся двери.

Не вижу, а скорее чувствую, как Кейн обходит меня сзади и, подойдя к приоткрытому окну, из которого успокаивающей влажностью задувает июньский вечерний ветер, берет с подоконника пачку и небрежным жестом выбивает из нее сигарету. В повисшем молчании, облокотившись назад, вспышкой-щелчком прикуривает ее и, выпустив перед собой густую сизую струю, устремляет глаза на меня.

– Ты вроде хотела поговорить.

В этот момент я очень жалею, что отказалась пить вино, которое Анжела стащила у своего отца и принесла с собой в рюкзаке, потому что доза смелости извне мне бы сейчас не помешала. Ведь, если подумать, это наш первый с Кейном разговор, который не касается крепости кофе или присутствия Артура в доме.

– Ты уезжаешь... И я подумала... – запнувшись, я нащупываю пальцами край пояса халата и начинаю судорожно его теревить.

Кейн чуть закидывает голову назад и выпускает новую струю из легких, после чего, прищурив глаза, вновь смотрит на меня, передавая неукоснительное послание продолжать.

– Я хочу, чтобы ты стал моим первым, – выпаливаю, захлебываясь разорвавшимися во мне эмоциями и словами, и усилием воли подавляю в себе детское желание зажмуриться после сказанного. Грудь поднимается и опускается, словно я только что вернулась с десятимильной пробежки, пальцы на руках и ногах собираются в замок от переполняющего волнения, пока я жду его реакции на свое скандальное предложение.

Его рука на долю секунды замирает с сигаретой у рта, и по телу прокатывается знакомая волна дрожи от пристальности его взгляда. Снова делает глубокую затяжку и, не снимая холодного равнодушия с лица, негромко произносит:

– А мне это зачем?

Я чувствую себя рыбой, выброшенной на сушу: открываю и закрываю рот, не в силах выдать из себя ни слова. К такому я была не готова. В смысле не была готова к тому, что Кейн будет задавать вопросы, а мне придется на них отвечать. В своих фантазиях я рисовала, что мы поцелуемся, а после это случится.

– Ты станешь моим первым. – В моем небогатом арсенале доводов это самый сильный аргумент. Наверное, потому что Кристин как-то сказала, что парни чувствуют гордость от того, что девушка дарит им свою невинность.

Холодный голос Кейна с легкостью разбивает мой главный козырь:

– Меня не интересуют девственницы. Для чего мне портить отношения с лучшим другом ради неопытной девчонки в моей постели? Попроси дурачка-соседа – он будет счастлив стать первооткрывателем.

Наверное, так себя чувствуют начинающие актрисы на кастинге, когда понимают, что прослушивание целиком и полностью провалилось: бледнеют и готовы с головой уйти под землю.

В последней отчаянной попытке произвести впечатление на искушенное жюри я кладу дрожащие пальцы на пояс халата и, впившись ногтями в тугий узел, развязываю его. Полы тяжелой ткани повисают на плечах, обнажая часть груди и прикрытые кружевом бедра, отчего на коже моментально собираются мурашки. Зажмурил глаза, делаю несколько глу-

боких вдохов и снова смотрю на Кейна.

– Я хочу, чтобы это был именно ты.

Если он и впечатлен моей смелостью, то не подает вида: его лицо по-прежнему непроницаемо, глаза лениво прикрыты, а рука с зажженной сигаретой покоится на колене, натягивающем свободное трико.

Молчание между нами расплывается в невыносимые секунды, высасывая воздух из комнаты и из моих легких, поэтому я, мысленно признав поражение, прячу глаза в пол и задергиваю полы халата, готовясь уползти в свою комнату и не выходить оттуда до конца своей девственной одинокой жизни.

– Оставь, – короткие шесть букв, произнесенные стальным приказным тоном, равносильны разряду электрического тока, подведенного к мозжечку: руки безвольно опадают по сторонам, ноги слабеют, и все тело вытягивается струной.

Кейн швыряет окурок за спину и, выпрямившись, направляется ко мне. Останавливается на расстоянии немногим больше дистанции танца, на который Макс, а не он, пригласил меня несколько часов назад, и оглядывает так, словно видит впервые.

Я беззвучно втягиваю носом спасительные глотки кислорода, пропитывающиеся запахом сигаретного дыхания и терпкого тепла кожи, и через секунду вздрагиваю от безапелляционного приказа:

– Сними эту тряпку.

3

Не в силах разорвать наш гипнотический контакт, я миную запоздалый стыд и по очереди выпутываю плечи из широких рукавов халата. Плотная ткань падает к моим ногам, и лишь после этого мрачное сияние темных глаз дает мне освобождение: спускается ниже, оставляя огненный след на шее, и затихает на груди. Прикосновение взгляда к коже ощутимо так же, как если бы Кейн дотронулся до меня рукой: тело покрывается новой волной мурашек, и соски твердеют, вызывая нелогичное для поставленной цели желание прикрыться.

Через несколько секунд осмотра его взгляд вновь возвращается к моему лицу и падает на рот. Машинально пытаюсь его облизнуть, но твердое прикосновение пальца, прижимающее верхнюю губу к зубам, останавливает мою попытку.

– Открой, – голос Кейна, вибрирующий и глубокий, проникает в уши, растекаясь по венам горячей дрожью и требованием повиновения.

Я робко приоткрываю рот и просто жду, что произойдет дальше. Твердая подушечка большого пальца задевает зубы, проскальзывая внутрь, и слегка надавливает на язык, распространяя пьянящий табачно-солончатый вкус по рецепторам. От неожиданности я мычу, но Кейн пригвождает меня взглядом, как препарированную амфибию, и посылает следующий приказ, от которого волосы на теле встают ды-

бом, а в животе закручивается странно-горячий спазм:

– Обхвати его ртом и соси.

Превозмогая смущение и пробирающую под кожей дрожь, я послушно обжимаю губами палец и подаюсь вперед, ощущаю грубоватую кожу и гладкость ногтевой пластины. Кейн следит за моим действием из-под завесы опущенных ресниц и, когда я отстраняюсь назад, чтобы вновь повторить движение, негромко произносит:

– Язык.

Я сглатываю собравшуюся слюну и осторожно дотрагиваюсь языком до пальца, ощущая, как его вкус, словно смертоносный вирус, распространяется по крови, за доли секунды достигая мозга. Кейн проталкивает его глубже, и я, боясь, что он захочет прекратить или сочтет меня скучной, стараюсь глажу его по всей длине.

Это странное действо отзывается в теле волнительным восторгом, поэтому я инстинктивно вытягиваю вперед шею и целиком вбираю его в себя, отчего веки Кейна вздрагивают, на короткое мгновение лишая его лицо равнодушия. Мой рот невольно дергается в улыбке от того, что мне удалось его удивить, но торжеству не суждено длиться долго, потому что в то же мгновение звучит:

– Пока ты в моей спальне – ты подчиняешься, – и в подтверждение этих слов его палец, словно наказывая меня за неповиновение, проскальзывает так глубоко, что я закашливаюсь.

Я моргаю в знак того, что поняла, после чего Кейн, не отрывая от меня глаз, находит мою висящую вдоль тела ладонь и кладет ее себе на живот. От соприкосновения с его горячей кожей и упругими мышцами глаза распахиваются шире, и я машинально вдавливаю пальцы сильнее. До сих пор происходящее кажется мне сном: Кейн позволяет мне дотрагиваться до себя, а я стою перед ним в одних лишь трусиках. Но даже если это и сон, тогда я не хочу просыпаться, потому что знаю, что о том, что происходит сейчас, я никогда не пожалею.

Тяжелая ладонь накрывает мою и тянет вниз, к ребристой резинке спортивных штанов.

– Трогала когда-нибудь член? – без тени заигрывания или флирта спрашивает Кейн, слегка поднимая темную бровь.

Настойчивая прямота его взгляда обескураживает, а влажный палец, лениво массирующий нижнюю губу, отвлекает, поэтому все, что я могу сделать – это отрицательно мотнуть головой. О каких членах он говорит, если мое сердце и тело хранят верность ему одному с тех пор, как мы впервые встретились?

Глаза Кейна прищуриваются, словно берут на себя функцию детектора лжи, и внимательно изучают мое лицо, после чего он ровным голосом отдает свой очередной приказ:

– Спусти руку вниз и потрогай меня.

И я, словно запрограммированная его командами кукла-робот, скольжу подушечками вниз: с замиранием сердца

да миную преграду в виде плотной ткани и сразу же упираюсь во что-то тугое и горячее, оставляющее влажный след на пальцах.

– Трогай.

Я обхватываю член неуверенной рукой, ощущая, как под тонкой атласной кожей перекачивается внушительная твердость. Я не знаю, каков среднестатистический размер мужского достоинства, но уверена, что у Кейна он больше, чем просто средний: крупная вершина с туго натянутой кожей, объемный ствол и выпуклые вены, оплетающие его длину.

– Обхвати его рукой и двигай вверх и вниз в том же темпе, в каком я буду трахать твой рот. – И до того, как до меня успевают дойти смысл его слов, его палец вновь толкается в мои приоткрытые губы.

Памятуя о прошлых инструкциях, встречаю проникновение в рот языком и, одновременно сжав головку ладонью, тяну вниз. Несколько неуклюжих движений спустя, в процессе которых Кейн продолжает неотрывно следить за мной, я постепенно нахожу нужный ритм и начинаю ласкать его более уверенно.

То, что происходит между нами сейчас – это странно и скандально, но почему-то дико нравится мне, настолько, что чувство смущения окончательно уплывает в небытие и все, что остается на поверхности – это мое раскалившееся добеда нутро, набухшая твердость в руке и палец Кейна, покоряющий мой рот.

Устремленные на меня глаза темнеют, хотя, кажется, чернее их бездонной пропасти быть уже не может, и я ощущаю в ладони новую порцию влажности. В ту же секунду уверенная рука фиксирует мое запястье и Кейн твердо командует:

– Хватит.

Я отдергиваю ладонь и, впившись ею в полы халата, смотрю в его лицо, пытаюсь понять, что я сделала не так, но, к счастью, Кейн не выглядит злым или разочарованным. Застывший на моих губах палец приходит в движение и снова надавливает мне на язык:

– Смочи его слюной.

Стараясь не думать, к чему ведет эта просьба, я провожу по длине пальца губами и, когда уже собираюсь выпустить, слышу приказное:

– Еще.

Когда он вытягивает палец из моего рта, он мокрый настолько, что тонкая нить слюны тянется по подбородку, заставляя меня краснеть. Не обращая внимания на мое смущение, Кейн прижимает его к моей левой груди и спускает вниз, наэлектризовывая каждый пройденный дюйм ожиданием. Когда прикосновение достигает напрягшегося соска, начинает медленно распределять по нему влагу, отчего внизу живота рассыпаются горячие искры, а с губ срывается изумленный стон от того, что мое тело способно такое чувствовать.

Я невольно опускаю глаза вниз, упираясь взглядом в вы-

пуклость под тканью трико, и в этот момент промежность простреливает влажный спазм, потому что пальцы Кейна с силой сжимаются на моем соске.

– Продолжай смотреть на меня, – сощуриив глаза, он сканирует мое лицо. – И избавься от белья.

Я спускаю ладони вниз и, не решившись наклониться, чтобы не мешать Кейну исследовать мою грудь, стягиваю трусики до середины бедер. Его взгляд незамедлительно прослеживает это движение и замирает в области лобка, отчего мои щеки мгновенно покрываются румянцем. Я никогда не делала эпиляцию, как Кристин или Анжела, обходясь бритвенным станком во благо гигиены и узких плавок купальника, и сейчас впервые об этом жалею. Наверное, у меня внизу все не так, как он привык видеть.

– Расставь ноги шире, – произносит Кейн, и в его голосе угадываются совершенно новые ноты, хриплые и завораживающие, отчего к горлу взвывается трепет восторга. Потому что теперь я уверена: он тоже меня хочет.

Незаметно сглотнув, я раздвигаю ноги, чувствуя, как тугое кружево трусиков больно впивается в бедра, и в этот момент Кейн неуловимым движением руки резко дергает их вниз, отчего белье с надрывным треском съезжает до колен.

– Смочи, – два пальца, на этот раз указательный и средний, упираются мне в губы, и я, повинувшись напору, втягиваю их в рот и щедро прохожусь языком.

Кейн осматривает их, словно оценивает тщательность вы-

полненного задания, после чего фиксирует меня тяжестью своего взгляда и впечатывает влажное прикосновение мне в лобок. Из горла вырывается произвольный стон, когда его пальцы движутся вниз и касаются там, где все пульсирует и пылает, как никогда раньше.

– Кажется, смазка была лишней, – хрипло констатирует Кейн, пока, не сводя с меня глаз, растирает сложенными пальцами влагу между раскрытых складок. До этого момента я даже не подозревала, что мое тело способно настолько терять над собой контроль: внизу живота зреет что-то сильное, что лишает меня всех цивилизованных рефлексов: глаза закатываются, а с губ рвется мольба не останавливаться.

– Продолжай смотреть на меня, – врывается в пелену моей ускользающей осознанности.

Твердый палец неглубоко проникает в меня, заставляя всхлипнуть и с силой впиться зубами в губу. Так вот почему все эти актрисы так стонут во время секса – они просто не в силах держать распирающее наслаждение в себе.

Повинуясь зову телесных инстинктов, впервые нашедших выход, я неосознанно расставляю колени шире, успевая уловить языки пламени во взгляде Кейна.

– Ты уже трогала себя так? – палец проникает в меня глубже, и к нему присоединяется второй, к моему смущению, вырывая из недр тела звонкий чавкающий звук.

Я молчу, потому что не способна произнести ни слова. Ощущения внутри меня настолько острые, что мне стано-

вится страшно от того, что наслаждение переступит ограничительную черту и мой мозг будет не в силах справиться с его последствиями.

– Отвечай.

– Нет, – выдыхаю полустоном и фокусируюсь глазами на Кейне, как на единственном, что может удержать меня в реальности.

И снова мучительно медленное движение пальцев, раздвигающих отяжелевшие складки, и следующее за ним горячее прикосновение, сосредотачивающееся на той самой точке, от которой спазм в животе натягивается до финального предела.

– А этот влюбленный в тебя неудачник касался тебя здесь?

Я ловлю ртом воздух и успеваю мотнуть головой, перед тем как кровь отливает от лица и устремляется вниз, туда, где через мгновение происходит мощнейший взрыв, сметая за собой крупницы моего сознания. Я падаю вперед, обхватывая ладонями твердые плечи, жмусь ртом к гладкой ключице, выплескивая в нее бессвязные междометия и стоны.

В лоне все еще не стихает бешеная пульсация, когда две жесткие ладони подхватывают меня под ягодицы и, подняв вверх, относят в кровать.

Облизав пересохшие губы, разгоняю кратковременную слепоту и вижу, как Кейн освобождает себя от штанов: прижатый тканью член, тяжело покачиваясь, опускается под прямым углом, давая недвусмысленный намек, что то, за чем

я пришла, сейчас свершится.

– Ты предохраняешься? – Кейн скользит взглядом по моему распростертому на одеяле телу, не спеша начиная двигать ладонью по своей длине. – Потому что я не собираюсь использовать резинку.

– Да. – И пусть это не так, у меня всего пару дней назад закончились месячные, а из курса анатомии я знаю, что шансы забеременеть в этот период практически равны нулю.

Кейн упирается коленом в кровать, пружинящую под тяжестью опускающегося на меня тела, отчего из легких вырывается благоговейный вдох. Я в окружении тепла его кожи и пьянящего запаха мужской терпкости, как всегда и мечтала, и я ни о чем не жалею.

Темные глаза фокусируются на моих, и подбородок обжигает требовательный ультиматум:

– Будь тихой, поняла? Если Артур о чем-нибудь узнает, ты об этом пожалеешь.

Я утвердительно трясую головой, после чего Кейн слегка приподнимается, направляя эрекцию к моему входу. Прижимает ее к раскрытым складкам и, надавив сильнее, делает несколько вертикальных движений вверх и вниз, отчего мое едва получившее расслабление тело нагревается снова. Я инстинктивно раздвигаю ноги шире и в этот момент чувствую вторжение массивной плоти, отчего резко дергаюсь и сгребая пальцами пододеяльник. Мне вдруг становится страшно, что я не смогу принять Кейна целиком, и что боль будет

настолько невыносимой, что я закричу и разбужу брата.

– Хватит зажиматься, – слышится стальной голос. – Так ты сделаешь хуже себе.

Я снова киваю, давая знак, что поняла его, и, сделав несколько глубоких вдохов, пытаюсь заставить себя расслабиться. Это ведь то, чего я хотела, правда? Потерять невинность с любимым человеком, которого, скорее всего, больше не увижу.

Тугое проникновение, расширяющее меня изнутри, стопорится через пару секунд, словно упершись во что-то. Горячее тело Кейна накрывает меня, рассыпая идеальное блаженство по коже, и в это же мгновение промежность обжигает нестерпимая боль, от которой из глубины легких вырывается крик, а из глаз брызжут слезы.

– Тихо, – предупредительно рычит Кейн, и его рот накрывает мой, когда он толкается в меня снова. Я ахаю, потому что держать такую боль в себе выше моих сил, но этот звук тонет в прижатых ко мне губах. И нет, он не целует меня, хотя я и мечтаю о первом поцелуе с ним, лишь глушит мои стенания, продолжая терзать меня изнутри: выходит до конца и снова пробурирует мое лоно, отчего соленая влага сильнее струится по щекам.

Острой боли уже нет, что означает, что факт дефлорации состоялся, но об удовольствии речи идти не может. Все слишком туго, как будто размер Кейна для меня велик, слишком мучительно обжигает.

Чувствую, как его ладонь вклинивается между нашими телами и ложится мне на клитор. Распахиваю глаза и испуганно смотрю на Кейна: он хочет выжать из моего тела это снова?

– Ты кончишь, – хрипло сообщает он, очевидно прочитав мои мысли во взгляде. – Не пытайся сопротивляться.

Его пальцы так правильно касаются меня, что, даже несмотря на ноющую боль внутри, тело не может противиться новой волне наслаждения. Всхлипнув, я впиваюсь пальцами во влажные от пота плечи и, непроизвольно подавшись бедрами вверх, насколько позволяет вбивающееся в меня тело Кейна, принимаю на себя неумолимый апокалипсис.

Кажется, я снова кричу, но мои возгласы гасятся ладонью, сдавливающей мне скулы.

– Продолжай сжимать его, Эрика, – глухо шипит Кейн, приблизив ко мне лицо. – Сильнее.

Толчки внутри меня становятся еще суровее, и когда мое тело готово распасться на атомы от изнуряющего испытания болью и наслаждением, требовательный рот накрывает мой, жадно толкая язык мне навстречу. Мой первый поцелуй, от которого каждая клетка начинает звенеть счастьем. Я целую его в ответ, вкладывая всю свою страсть и будущую тоску, но Кейн почти сразу же разрывает наши рты и начинает так агрессивно вбивать меня в кровать, что та бьется изголовьем в стену.

Внезапно внутри становится так тесно, что кажется, ме-

ня разорвет на части, слышится сдавленный хрип Кейна, и в то же мгновение промежность обжигает расплавленной магмой. Движения во мне не прекращаются, но становятся более сбивчивыми и постепенно замедляются, и я ощущаю, как из меня вытекают горячие струи, орошая ягодицы.

Упершись локтями в кровать, чтобы удержать себя на весу, Кейн замирает, и сквозь собственное истеричное сердцебиение я ловлю его прерывистое дыхание. Это случилось. Моим первым поцелуем и моим первым мужчиной стал Кейн Колдфилд, парень, которого я люблю до ломоты в грудной клетке.

Через несколько секунд влажный жар его тела покидает меня, и Кейн, ничуть не стесняясь своей наготы, направляется в сторону ванной. Я сажусь на кровать и, опустив глаза вниз, рассматриваю расплывшееся по хлопку красное пятно со следами вытекшей спермы.

– Собери свои тряпки и постельное белье и уходи из моей комнаты, – несетя из приоткрытой двери ванной металлический голос. – Мы с тобой закончили.

4

Наши дни

– Эрика, ты не знаешь, куда запропастилось мое черное платье с вырезом на спине? – Кристин появляется посреди нашей крошечной гостиной и смотрит на меня, по-детски надув губы. Подруга остается верной себе в упорстве в достижении поставленной цели: ее печальная мордашка безошибочно транслирует немую просьбу: «Помоги мне, ибо самой мне ни за что не справиться».

Уже три недели я и Крис арендуем двухкомнатную квартиру в недорогом районе Нью-Йорка, куда переехали после окончания университета. Дома меня уже ничего не держало: спустя несколько месяцев после моего поступления Артур объявил, что в нашем захудалом городишке ему не светит сколотить приличную карьеру, и переехал на заработки в Нью-Йорк; а отец, так и не справившись с пагубным недугом, скончался от почечной недостаточности в прошлом году. Его смерть вызвала во мне смешанные чувства: горечь утраты и постыдное облегчение. Еще до окончания учебы я знала, что уеду из дома, и меня точили угрызения совести за то, что придется бросить отца одного.

– Э-э, нет, мелкая хитрюга, – изобличительно тычу в хрупкую фигурку Кристин пальцем, – со мной этот номер не

придет. В твоё кукольное платьице моему задку всё равно не влезть, так что все подозрения в том, что я его коварно запрятала себе в ящик, считаю необоснованными. – Глядя, как лицо подружки стремительно скисает, говорю уже более серьёзно: – Не дуйся, Крис. В любое другое время я была бы рада тебе помочь, но у меня через полчаса собеседование в одной фирме неподалеку. Кажется, им нужен специалист в бухгалтерию.

В течение двух недель я активно штудирую объявления о работе, рассылая резюме во все офисы в радиусе двадцати миль от нашей квартиры. Когда на немногочисленном семейном совете в лице меня и Артура обсуждался мой будущий переезд, брат пообещал, что подыщет для меня вакансию в фирме своего друга, однако, когда билеты на самолет уже были куплены, и я связалась с ним с просьбой встретить меня в аэропорту, Артур сказал, что у него возникла неотложная необходимость на неделю слетать в Лос-Анджелес, и заверил, что по возвращении мы встретимся, и он обязательно поможет мне обустроиться. С того момента прошла половина месяца, но брат до сих пор не вернулся: он выходит на связь раз в неделю, чтобы поинтересоваться, как у меня дела, и сказать, что в связи с возникшими рабочими сложностями ему придется ещё немного задержаться. Потому я решила, что нужно перестать уповать на его помощь и заняться поиском работы самой, тем более что мои небольшие сбережения от студенческой подработки официанткой тают

с каждым днем. Все-таки Нью-Йорк – это не Нью-Олбани, где за триста долларов в месяц ты можешь позволить себе арендовать жилье и не умереть с голоду.

При упоминании о вакансии глаза Кристин озорно загораются, и она картинно шлепает себя ладошкой по лбу:

– Дырявая моя голова. Вчера я полдня проторчала на Крейглисте, выискивая вакансию, от вида которой мне не захочется плакать, и нашла кое-что для тебя.

С этими словами она торжественно дефилирует ко мне через всю гостиную и царственным жестом вкладывает в руку листок с выведенным на нем телефонным номером.

– Работа прямо для тебя, Эрика. Помощник главного бухгалтера, опыт не требуется, офис прямо на Манхэттене, а зарплата такая, что я и сама бы не прочь попасть на это собеседование. Жаль, что образование у меня неподходящее.

Если Кристин, чьи родители владеют сетью небольших супермаркетов у нас в Индиане, может еще долгое время привередничать на рынке вакансий, то для меня такая роскошь непозволительна. Поэтому я с готовностью беру листок и вкладываю его в лежащий на диване ноутбук, на случай если сегодняшнее собеседование окажется провальным.

– Ну хоть за это я могу рассчитывать на твою помощь в поиске платья? – играет подкрашенными бровями подруга. – Ведь я такая умница и, возможно, только что обеспечила тебя работой мечты.

– Ты неисправима, ты знаешь? – треплю ее по голове, от-

чего Кристин начинает недовольно верещать, утверждая, что я порчу ей прическу. – Помогу, как только вернусь с собеседования. Чувствую, сегодня мне повезет.

Но мне не везет даже с учетом того, что я надела свою любимую кремовую блузку, которая помогла мне с отличием сдать экзамены. Потенциальный работодатель, седовласая дама лет шестидесяти с орлиным носом и тонкими губами на угловатом лице, кажется, вспылала ко мне нелюбовью, едва я переступила порог ее пыльного офиса.

– Так у вас совсем нет опыта, мисс Соулман? – спросила она, брезгливо скривив рот, словно выпускники университета, не имеющие пятилетнего стажа работы за плечами, – протвоестественное явление, которое должно быть навсегда искоренено.

– Я указала об этом в резюме, мэм, – ответила я, уже предчувствуя тотальный провал.

Мисс Шеппард, как звали эту женщину, задала мне еще пару вялых вопросов, после чего выпроводила за дверь, не слишком убедительно заверив, что в случае положительного ответа мне обязательно перезвонят. А так как с определенного времени розовые очки были исключены из моего эмоционального гардероба, я ей не поверила и по приезде домой вычеркнула эту вакансию из своего списка.

– Ой, да не грусти ты, – фыркает Кристин, плюхаясь рядом со мной на диван. – Ты позвонила по тому номеру, что я тебе дала?

Устало потираю глаза и, вытянув ноги на журнальный столик, расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки. Нью-йоркское лето невыносимо душное, а кондиционер в нашей квартире не работает с первого дня переезда.

– Пока нет. Думаю, уже поздно, и стоит подождать до завтра.

Подруга закатывает глаза и, раздраженно шлепнув меня руке, выуживает из кармана айфон.

– Звони, – бесцеремонно впихивает его мне в руку. – А то они найдут другого дилетанта, а ты и дальше будешь таскаться по собеседованиям.

Решив не спорить с настойчивостью Кристин, извлекаю из ноутбука записку и в сопровождении ее удовлетворенного взгляда вбиваю необходимые цифры. Спустя пару гудков в трубке раздается мелодичный женский голос, информирующий, что я позвонила в компанию «КейКей Индастрис», и интересуется, чем его обладательница может быть полезной.

– Эмм... я звоню по поводу вакансии помощника бухгалтера, – от волнения я поднимаюсь с дивана и начинаю расхаживать по периметру гостиной. – Я еще не присылала вам резюме и хотела спросить...

– Как ваше имя, мисс? – учтиво уточняет моя собеседница.

– Эрика Соулман. Дело в том, что я только что окончила университет по специальности экономика, и у меня совсем нет опыта...

Замечаю, как Кристин в излюбленной манере закатывает глаза, давая понять, что я все делаю неправильно, но, к счастью, девушку по ту сторону такая информация не смущает.

– Наша вакансия подразумевает соискателей без опыта. Во сколько вы сможете к нам подъехать?

Улыбнувшись своей удачливости и показав язык наблюдающей за мной подруге, быстро отвечаю:

– Думаю, сегодня для собеседования уже поздно, поэтому я могу подъехать завтра к девяти утра.

– Сегодня не поздно, – уверяет волшебный голос. – В течение двух часов вы сможете к нам подъехать?

Кажется, им действительно очень необходим этот помощник. Может, у меня и правда есть шанс.

– Хорошо, мисс, я буду. Продиктуйте, пожалуйста, адрес.

В назначенное время я стою в офисе «КейКей Индастрис» и мысленно благодарю свою неугомонную подругу за то, что заставила меня сменить блузку, которая официально утратила свою репутацию «счастливой», на новое платье-футляр, а мои скучные балетки на ее элегантные остроносые шпильки. Потому что в противном случае я не уверена, что меня вообще бы пустили на порог этого роскошного офиса. Он словно сошел с обложек глянцевого каталога офисных интерьеров: уйма пространства, мраморные полы, отражающие множественные блики потолочных софитов, тяжелые двери из дорогого массива, ненавязчиво подсвеченные неонами буквы «КейКей» над стойкой ресепшена, выполненной в угловатом

стиле хай-тек, и как вишенка на этом дизайнерском торте: хозяйка самого ресепшена, выглядящая как Линда Евангелиста времен расцвета ее модельной карьеры.

– Чем могу помочь, мисс? – интересуется девушка, заметив меня, растерянно застывшую на выходе из лифта. Ее голос и профессиональная вежливость выдает в ней мою телефонную собеседницу.

– Я Эрика Соулман, – посылаю ей ответную улыбку и незаметно распрямляю плечи, чтобы выглядеть солиднее. – Мы договаривались с вами по поводу собеседования.

– Прошу, присаживаетесь, мисс Соулман, – выверенным взмахом кисти девушка указывает на молочный диван чуть левее стойки ресепшена и заверяет: – Всего минуту ожидания. Я доложу руководству о вашем прибытии, и вас немедленно пригласят.

Пока она о чем-то негромко переговаривается по телефону, я снова окидываю взглядом сказочное помещение и невольно стискиваю пальцы в тесноватых туфлях. Пожалуй-ста, пусть у меня все получится. Я хочу работать в этом офисе. Каждое утро покупать стакан кофе, носить деловую одежду и, наконец, перестать беспокоиться о том, будут ли у меня деньги на то, чтобы погасить арендную плату в следующем месяце.

– Мисс Соулман, – голос из-за стойки заставляет меня вскинуть глаза и от волнения немного привстать с дивана. – Мистер Колдфилд готов вас принять.

При звуке этого имени я зависаю в воздухе, словно колибри, чувствуя, как на спине и на груди выступает испарина. Мистер Колдфилд? Что за насмешка судьбы: в многомиллионном Нью-Йорке прийти в офис к человеку, носящему ту же фамилию, что и мужчина, который парой пренебрежительных фраз разбил мне сердце пять лет назад. Да нет-нет, это чушь. Совпадение.

Усилим воли выведя себя из оцепенения, я выпрямляюсь и фальшиво-уверенной походкой следую за радушной секретаршей.

– А как зовут мистера Колдфилда? – решаю спросить, когда мы останавливаемся возле тяжелой двери с выдавленными на ней золотыми буквами: К. Л. Колдфилд, Генеральный менеджер.

И прежде чем меня посещает мысль, что и инициалы владельца кабинета являются странным совпадением с именем из моего прошлого, девушка распахивает дверь и нараспев произносит:

– Мистер Кейн Ллойд Колдфилд – его полное имя. Прошу, входите.

Прикосновение захлопнувшейся двери бьет в похолодевшую спину, отсекая пути к отступлению. Впившись ладонями в ремешок сумки, с барабаниющим сердцем смотрю на хозяина кабинета – того самого человека из моего прошлого, которого я мечтала никогда больше не встретить. Вольготно устроившись в массивном кожаном кресле, Кейн Колдфилд сканирует меня все тем же бездушным взглядом из-под лениво опущенных век, словно я мышь, которая по глупости забралась к нему в офис, и ему необходимо решить, что с ней делать: прихлопнуть ботинком или вызвать службу дератизации.

– Здравствуй, Кейн... то есть мистер Колдфилд, – решаю поздороваться первой, чтобы не выглядеть совсем растерянной. Много лет назад я дала себе слово, что, даже если судьба будет настолько ироничной, чтобы столкнуть нас снова, я не стану выглядеть трепещущей дурочкой в его глазах.

Кейн не спешит с ответом, словно ему нравится подогреть мою нервозность. Его взгляд, подобно рентгену, разбирает меня по частям, всаживаясь под кожу и накрывая приступом удушья от вредоносности своего излучения, от которого не спасает даже плотная ткань платья.

– Садись, – произносит, наконец, не терпящим возражений тоном, который с легкостью минует возведенные мной

оборонительные стены и переносит в день, когда он так же отдавал мне приказы.

Под пристальным дулом его глаз пересекаю пространство кабинета и, бесшумно приземлившись в кресло, оглядываю деловое убранство стола: небольшая стопка документов, пересеченная лежащей на них увесистой ручкой, широкоформатный моноблок с логотипом надкусанного яблока, ультратонкий мобильный и миниатюрная база селектора. Ни фотографий в рамке, ни чашки с кофе, ни единой соринки на столе – ничего из того, что могло дать намек, что человек, сидящий напротив, имеет слабости или привязанности. В поле моего зрения также попадают кисти его рук в обрамлении белоснежных манжет рубашки: крупные и широкие, с выступающими тугими венами и длинными пальцами с идеально обработанной ногтевой пластиной. Кольца нет.

– Когда я шла на собеседование, я понятия не имела, что могу встретить кого-то из знакомых, – стойко принимаю тяжесть темного взгляда на своем лице. – Я в Нью-Йорке совсем недавно, и такая неожиданность. Удивительное совпадение.

Стараюсь, чтобы мой голос не звучал чересчур холодно, выдавая обиду влюбленной восемнадцатилетней девчонки, но и не стремлюсь говорить приветливо, потому что наперед знаю, что, независимо от результатов собеседования и предложенной оплаты, ни за что не стану здесь работать. Все, чего я хочу сейчас, закрыть вынужденную формальность это-

го разговора, вернуться в нашу с Кристин квартиру, откупорить бутылку вина и вместе с терпким глотком похоронить восстание забытых эмоций и воспоминаний.

– Ты думаешь, это совпадение? – темная бровь Кейна ползет вверх, и грудь опалает новый приступ учащенного сердцебиения. Господи, ему ведь тридцать один. Почему прошедшие годы совсем не наложили на него отпечаток старения? Почему у него не поредели волосы, как у Артура, и не появилось дополнительных морщин и кругов под глазами? Почему ворот идеальной рубашки не подпирает второй подбородок, а плечи стали еще шире? Почему, черт возьми, он выглядит моделью для обложки журнала «Красивые и Успешные»? Ведь было бы гораздо проще сохранять невозмутимость, выгляди он плохо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.